

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

УРОВЕНЬ ДОВЕРИЯ ГРАЖДАН К ИНСТИТУТАМ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕЖИМА В РОССИИ

Ковалевская Д.Д.¹

Данная работа посвящена изучению уровня доверия граждан к институтам государственной власти с 2000 г. путем аккумуляции данных четырех независимых исследовательских центров. Собранные данные демонстрируют, что на протяжении последних двадцати лет в большинстве случаев уровень доверия граждан оставался достаточно низким за исключением периода 2014-2016 гг., когда действовал эффект «Крымской эйфории» или «Крымского консенсуса». При этом большое количество исследователей считают, что доверие граждан является одним из главных (если не главным) факторов устойчивости политических режимов. Однако в России наблюдается другая картина. Политический режим является достаточно устойчивым, он сумел пройти через несколько масштабных общественно-политических кризисов, не подвергнув себя фундаментальным изменениям. Если не гражданское доверие, то какие факторы влияют на устойчивость российского режима? На этот вопрос мы также пытаемся ответить в данной статье. Работа особенно актуальна на фоне прошедших протестных акций в январе-феврале и апреле 2021 года, связанных с арестом и приговором Алексею Навальному, а также в преддверии выборов в Государственную Думу и возможных протестов по их итогам.

Ключевые слова:

Политическое доверие, политический режим, политическая стабильность

---

¹ Ковалевская Дарья Дмитриевна - студент Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», образовательная программа «Политология», 3 курс.
+7(925)050-66-86 Dashia1601@mail.ru

Введение

В 2000 г., когда В.В. Путин стал Президентом РФ, уровень доверия к институтам власти в России был крайне низок. Это было своеобразным наследием 1990-х годов и стало следствием фактического распада государственного аппарата и децентрализации власти после крушения СССР. В свою очередь, 2000-е годы ознаменовались восстановлением и расширением государственного аппарата, а также централизации управления путем построения «вертикали власти». В начале своего первого срока Владимир Путин сформировал команду реформаторов, которую возглавляли Председатель Правительства Михаил Касьянов, министр экономического развития Герман Греф и министр финансов Алексей Кудрин. Она разработала и сформировала правовой фундамент нынешней юридической и экономической системы России. Началось восстановление и дальнейший рост экономики, спад преступности, и в целом все основные общественные риски 1990-х практически исчезли. Отсюда исходит логичный вопрос: повлияло ли все это на повышение доверия населения? И если повлияло, то насколько сильно?

Также стоит заметить, что Россия при Путине прошла через серию протестных кампаний. В качестве примера можно привести протесты против монетизации льгот в 2005 г., выступление футбольных фанатов на Манежной площади в 2010 г., протесты 2011-2012 гг. в связи с выборами в Госдуму, антикоррупционные протесты 2017 г. а также январские протесты 2021 г. в связи с арестом Алексея Навального и выхода документального фильма «Дворец для Путина. История самой большой взятки». Практически все перечисленные протестные кампании, за исключением выступлений футбольных фанатов на Манежной площади, на пике сумели одновременно вывести по всей России более 100 тыс. чел.

Как будет продемонстрировано далее, протестные ожидания в январе 2021 года, согласно данным Левада-Центра, были одними из самых высоких за всю историю постсоветской России. Многим казалось, что произойдет социальный взрыв, ведь даже сам Алексей Навальный в записи от 28 января 2021 г. в Instagram высказал, видимо, желаемую и ожидаемую численность участников в виде 2% от числа просмотров документального фильма «Дворец для Путина», то есть 2 млн чел. из 100 млн просмотров. Однако рекордное количество просмотров не конвертировалось в численность протестующих, а прошедшие 23 и 31 января акции не собрали больше людей, чем протесты 2011-2012 гг. В итоге политический режим остался стабильным, его основы не были изменены или даже как-либо затронуты. И так происходило после каждой протестной кампании. Почему оппозиции не удалось эффективно мобилизовать людей? Повлияло ли на стабильность режима доверие населения к институтам государства? Можно ли сказать, что политическое доверие укрепляет действующую власть? Если политическое доверие находится на низком уровне, то за счет чего режим сохраняет стабильность? Чтобы это понять, мы обратимся к социологическим данным. Мы считаем, что существует парадокс между достаточно низким уровнем политического доверия и высокой степенью устойчивости политического режима. То есть режим поддерживает свою устойчивость не столько за счет политического доверия, сколько с помощью иных факторов.

Обзор литературы

Проблема влияния доверия на политический режим и государство имеет глубокие теоретические обоснования. Еще Э. Дюркгейм [7] в конце XIX в. писал о существовании взаимосвязи между уровнем доверия и степенью «общественной солидарности», то есть консолидации общества, а вместе с тем и государства. В свою очередь, А. Селигмен

[18] рассматривал доверие к политическим институтам как ключевой фактор снижения неопределенности в условиях продолжающейся сегментации и усложнения современного общества, что обеспечивает самосохранение социума и государства. Кроме этого, Э. Гидденс [5] выделил особенности доверия к власти и государству, поскольку обезличенные институты на практике функционируют при помощи конкретных лиц и ассоциируются с ними. Утрата доверия к этим лицам, согласно его представлениям, может привести к социально-политической турбулентности.

В целом значительный пласт работ классиков социологии и политологии свидетельствует о ключевой роли политического доверия для поддержания стабильности государства и политического режима в современном мире. Здесь можно также выделить Р. Мертона [16], который в качестве основной причины дестабилизации власти рассматривал диссонанс между уровнем и характером доверия в обществе и использованием властью социально структурированных средств. Схожей позиции придерживался Н. Луман [23]. А Ф. Фукуяма [19] отмечал, что низкий уровень доверия разрушает устойчивость государства, поскольку демонстрирует ценностные противоречия между властью и обществом.

В свою очередь значительный пласт российских исследователей также размышляет в заданной парадигме, где уровень доверия является одним из ключевых факторов стабильности политического режима, консолидации социума и развития гражданского общества. В качестве примера можно выделить работы М.А. Вахтиной [2], В.С. Мартыанова [14], П.М. Козыревой [33], Т.П. Кожиной [10], Н.А. Морозова [42] и Е.Н. Черницыной [42] и др.

Во всех перечисленных классических и российских трудах наиболее интересен тезис о том, что политическое доверие является одним из ключевых факторов стабильности политического режима. Все

перечисленные авторы согласны с этим тезисом и подтверждают его. И в этом мы находим необходимую для нас исследовательскую лакуну. Практически нет работ, где с помощью использования социологических данных данный тезис проверялся бы в российских условиях.

Сбор и анализ данных

Для достижения поставленной исследовательской цели мы собрали данные по политическому доверию из различных баз социологических служб и международных организаций. Из российских социологических баз данных мы остановились на исследованиях Левада-Центра и ВЦИОМ, которые обладают комплексными данными по доверию к основным институтам государства. По этой причине мы не использовали данные ФОМ, поскольку они собирают информацию по доверию к конкретным политикам, в частности, личности Президента. Стоит обратить внимание, что почти во всех случаях мы не брали готовые таблицы, а создавали собственные, то есть данные изначально не были аккумулированы в одном месте. Впоследствии эти таблицы можно использовать для будущих исследований.

В таблице 1 продемонстрированы результаты исследований Левада-Центра об уровне доверия к институтам государства. Согласно этим данным, в России наблюдается достаточно низкий уровень политического доверия, особенно учитывая, что с 2001 по 2004 год он падал, а затем, начиная с 2004 года, постепенно рос. Возможно, это результат реформ, проведенных во время первого срока президентства В. Путина. Своего пика показатели одобрения достигли в 2014 г., причем это касается всех институтов, за исключением полиции. Это можно связать с «Крымским консенсусом», который продлился до 2018 г., когда происходит новый провал по всем показателям, кроме доверия к полиции. Это, скорее всего, связано с проведением пенсионной реформы, которая вызвала негодование в российском обществе. Это доказывают нам

пиковые значения неодобрения всех институтов, за исключением полиции, которые приходится на все тот же 2018 год. Тем не менее, даже в 2014 г. уровень доверия граждан оставался достаточно низким, и одобрение ни одного института не достигло показателей в 50% и выше.

Далее мы обратимся к данным ВЦИОМ в таблице 2, которые демонстрируют схожую, хоть и немного лучшую по сравнению с Левада-Центром картину. Показатели, которые приводит ВЦИОМ, на 15-20 процентных пунктов выше, чем в прошлой таблице. Тем не менее, уровень доверия, который в данном случае мы измеряем по уровню одобрения институтов государства, превышал 50% у всех органов власти только в 2014-2016 гг. во времена «Крымского консенсуса». Только у Правительства в 2008 г. уровень одобрения превысил 50%, что можно связать с переходом В. Путина на роль Председателя Правительства, благодаря чему он сумел «взять с собой» свой высокий рейтинг одобрения. Пик неодобрения, согласно представленным данным, пришелся на 2012 г., что можно связать с протестами конца 2011 – первой половины 2012 гг. в связи с выборами в Госдуму декабря 2011 года.

Следующая таблица отражает данные индекса восприятия коррупции от Transparency International, который представляет собой своеобразную шкалу «честности властей» с точки зрения восприятия граждан. Индекс не измеряет реальные масштабы коррупции, а фактически изучает уровень доверия населения к институтам государства и его работникам. Это значит, что мы также можем использовать данный индекс для измерения политического доверия. В таблице 3 мы видим, что ситуация с восприятием коррупции немного улучшалась к 2004 г., после чего значение индекса восприятия падает вплоть до 2012 г., после чего ситуация немного меняется то в худшую, то в лучшую сторону. Тем не менее, в целом показатели России стабильно низкие, из-за чего в этом

рейтинге она была и остается одним из самых коррумпированных государств среди развитых и развивающихся стран.

Помимо этого, мы обратимся к данным Edelman Trust Barometer, который измеряет общественное доверие к бизнесу, государству, НКО и СМИ. При этом оценка рассчитывается как по населению стран в целом, так и отдельно по двум социальным категориям – среди «образованного населения» (informed public) и прочих жителей (mass population). В представленной ниже таблице мы видим, что и Edelman Trust Barometer подтверждает достаточно низкое доверие к государству, которое резко переваливает за 50 пунктов в 2015-2016 гг., что является результатом уже упомянутого «Крымского консенсуса». Затем значение индекса медленно падает и резко сокращается в 2019 г., что можно считать результатом пенсионной реформы. Возможно, на это также повлияли события 2019 г., связанные с выборами в Московскую городскую думу. Тем не менее, в целом значение индекса – достаточно низкое, и при этом с 2010 по 2013 гг. уровень доверия неизменно падал.

Мы видим, что данные от разных независимых друг от друга организаций демонстрируют схожие результаты по уровню доверия и динамике его изменения. Это дает уверенность, что вывод о достаточно низком уровне политического доверия в России – верен.

Также мы решили использовать данные Fragile States Index, которые измеряют «хрупкость» государства, исходя из ситуации в политической, экономической и социальной сферах. С 2006 по 2020 г. Россия стабильно получает низкие значения индекса и категорию «Warning», то есть высокий уровень угрозы для устойчивости государства. Это последняя категория перед failed state (см. табл. 5).

При низком уровне политического доверия государство и власть имеют достаточно хрупкое состояние и постоянно

стоят перед угрозой падения. Тем не менее, российский политический режим с 2000 г. представляет из себя достаточно устойчивую конструкцию, которая успешно прошла через ряд больших политических кризисов. Практически ни одна протестная кампания не привела к существенным изменениям в основах системы. Даже возвращение прямых выборов губернаторов, которое принято считать уступкой по итогам протестов 2011-2012 гг., было проведено с возможностью сохранения контроля за ситуацией. Помимо введения муниципального фильтра, у Президента остается возможность в случае избрания нелояльного губернатора снять его с должности «в связи с утратой доверия». Значит, российский политический режим опирается на другие факторы сохранения своего положения. Именно эти факторы мы рассмотрим ниже.

Факторы устойчивости политического режима в России

1. Низкий уровень протестного потенциала

Исходя из собранных данных, мы подтвердили парадокс между достаточно низким уровнем доверия и высокой степенью устойчивости политического режима, несмотря на российские показатели в State Fragile Index, которые характеризуют нынешнее положение как угрожающее политической стабильности с 2006 г. по сей день. Тем не менее, практически ни одна протестная кампания не изменила основ режима.

Протестный потенциал остается достаточно низким, что демонстрируют результаты опросов Левада-центра, согласно которым на май 2021 г. принять участие в протестах с экономическими требованиями готовы 21% опрошенных, а с политическими – 16% опрошенных [40]. В СМИ прежде всего делали упор на заметное снижение доли опрошенных, которые вообще ожидают протесты. В случае акций с экономическими требованиями утвердительно в мае 2021 г. ответили 30%, с политическими – 28%.

Тогда как в январе эти показатели составляли 43% и 45%, соответственно [40]. Однако нам не так важны ожидания, поскольку показатель готовности принять участие в протесте в данном случае приоритетнее. Даже учитывая условность обоих параметров, поскольку на ожидания влияет информационный фон, который может исказить реальные настроения. Из-за этого может сложиться ситуация, когда многие ожидают протесты, опираясь на существующую повестку, заданную оппозиционными силами, но никаких значимых выступлений не происходит. То же самое может произойти, когда опросы демонстрируют низкие ожидания протестов из-за слабого влияния оппозиционной повестки, но они вспыхивают внезапно. Также можно сказать и про участие. Человек может ответить о своей готовности участвовать в протесте, но в итоге не прийти, а ответивший отрицательно в последний момент передумает и выйдет. Это естественная ситуация.

Тем не менее, несмотря на условность, показатель протестной готовности все равно имеет значение и может примерно очертить потенциал протестной мобилизации. Здесь важно отметить, что даже в январе 2021 г. на фоне ареста Алексея Навального, когда протестные ожидания вышли на пиковые значения с 1998 г. (тогда в сентябре 48% опрошенных ожидали акции с экономическими требованиями, а в ноябре – 50% ожидали выступления с политическими требованиями), степень протестной готовности была достаточно низкой, особенно в сравнении с осенью 2018 г. На протесты с экономическими требованиями были готовы выйти 17% опрошенных, а с политическими – 15% [40]. В мае 2021 г. готовность также пребывает на достаточно низком уровне – 21% и 15%, соответственно. Это значит, что потенциал протестной мобилизации все еще невелик, а политический режим после масштабных выступлений в январе 2021 г. вновь демонстрирует устойчивость.

2. Высокий уровень доверия Президенту в противовес другим институтам государства

Президент до сих пор имеет высокий уровень одобрения своей деятельности. До 2016 г. он обладал наибольшей степенью доверия из всех институтов. Согласно данным ВЦИОМ, пик пришелся на 2015 г., когда деятельность Президента одобряли почти 90% опрошенных [47]. В 2016 г. его рейтинг обошла российская армия, которая получила 82,8% одобрения [47,74], в то время как Президент – 81,1%. Затем этот разрыв только увеличивался. На момент 31 января 2021 г., согласно ВЦИОМ, уровень одобрения деятельности Президента составляет 61,8% [47,66], а у армии – 77,9% [47,74].

Несмотря на это снижение, Президент обладает достаточно высоким рейтингом одобрения, что делает его наиболее одобряемым институтом государственной власти. Все-таки армия в России не участвует в принятии ключевых решений, а также не обладает законодательной инициативой, поэтому ее можно не учитывать в данном раскладе. Высокий уровень одобрения Президента также позволяет Владимиру Путину оставаться наиболее популярным политическим деятелем в стране. На прямой вопрос о доверии ему в декабре 2020 г. положительно ответили 66,5% опрошенных [47].

С одной стороны, это можно объяснить высокой степенью патерналистских настроений среди большинства российских граждан. Например, согласно данным Андрея Колесникова, при ответе на вопрос «Что может привести к изменениям в стране?», 47,5% респондентов надеются на «нового сильного лидера, который поведет за собой» [34]. Помимо этого, как патернализм, так и поддержка личности Путина объясняются тем, что, согласно данным Росстата, почти каждый четвертый житель России (36,6 млн человек на 1 января 2020 г.) является пенсионером [50]. Это влияет на избирательные

предпочтения, восприимчивость к пропаганде, а также банальную зависимость от выплат со стороны государства. Наблюдается определенный тренд по увеличению зависимости населения от государства. Так, по данным Росстата, доля доходов от предпринимательской деятельности снизилась с 15,4% в 2000 г. до 5,2% в 2020 г., в том числе, за счет экономического кризиса на фоне пандемии COVID-19 и отсутствия масштабной поддержки малого и среднего предпринимательства за счет государства [28]. При этом доля социальных выплат в доходах граждан за этот же период увеличилась с 13,8% до 20,1%. Сегодня этот показатель даже выше, чем в СССР, где пиковые значения (16,3%) наблюдались в 1985 году [44].

С другой стороны, это сознательный выбор действующей системы власти, что нередко для персоналистских электоральных автократий [23], как характеризуют политический режим России Владимир Гельман [4] и Григорий Голосов [6]. Для российского режима характерен президентализм, то есть упор на личность и деятельность Президента в противовес остальным институтам. Особенно это проявилось осенью 2017 г., когда, по результатам опроса Левада-Центра, на передний план выдвинулись именно личностные качества президента, реализуемые в его образе защитника России, что отметили в своих ответах 37% респондентов [31]. Причем по мнению 19%, главными положительными качествами Путина выступают решительность, мужественность, твердость, воля, сила, спокойствие, смелость, четкость, а также уверенность в себе. Помимо этого, в рамках образа Путина как защитника государства 18% респондентов в качестве его достижений называют грамотную внешнюю политику, выраженную в защите от Запада, что вызывает уважение к России в мире, а также не позволяет «вытирать о нас ноги». При этом еще выделили поддержку армии и обеспечение высокого престижа страны в мировом сообществе. Интересно, что профессиональные

качества и характеристики Президента отошли на второй план. Только 16% опрошенных выделили Путина в качестве опытного политика и руководителя, сильного лидера и компетентного профессионала. А 15% респондентов выделили ум, образованность, интеллигентность и культурность как ведущие качества Президента.

Это позволяет сохранять высокий уровень доверия к Президенту и его личности за счет осознания его силой, обладающей реальной властью в стране, а также поддерживать страх смены власти. Ведь новый человек на должности Президента не будет связан гарантиями по поддержанию стабильности, прежде всего, в социальных выплатах. Именно из-за нарушения этого своеобразного «общественного договора» В. Путин и потерял часть своего рейтинга одобрения в 2018 г. в связи с пенсионной реформой. Помимо этого, низкий уровень доверия к другим институтам власти позволяет сохранять их лояльность и не допускать каких-либо серьезных выступлений, поскольку в случае «бунта» из-за низкого доверия институты государства, например Госдума или политические партии, не смогут добиться должной поддержки населения. Все это также позволяет формировать и сохранять властную вертикаль с опорой на Президента.

Конечно, стоит учитывать, что сильный президентализм является как сильной стороной режима, так и его потенциальной слабостью, поскольку Президент концентрирует на себе большую часть внимания в информационном пространстве, а также достижений и успехов, но в то же время постепенно фокусирует на себе недовольство и раздражение со стороны населения. Так, например, в опросе Левада-Центра в 2017 г. 55% опрошенных возложили на Президента ответственность за проблемы и вызовы, вставшие перед страной в период его президентства. И несмотря на то, что 20% респондентов высказались в поддержку действий Путина

как Президента, 15% при этом указали, что он «не заботится о людях», мало чего для них делает, а также не знает, «как живут люди», и «забыл о простых людях».

Тем не менее, российский обыватель склонен к конформизму и не испытывает особого раздражения в отношении Путина как руководителя страны, а его рейтинг остается достаточно высоким. К тому же продолжение концентрации недовольства на личности Путина может стать еще одним преимуществом системы, поскольку раздражение будет отвлекаться конкретно на действующего Президента, а не на систему в целом.

3. Низкий уровень развития гражданского общества, недоверие к некоммерческим организациям и профсоюзам

Многие специалисты по проблеме политического доверия в России пишут о критической важности гражданского общества как одного из главных факторов роста уровня доверия как граждан друг к другу, так и граждан к институтам государства [12;19;26]. Однако уровень развития российского гражданского общества находится на достаточно низком уровне, особенно в сравнении со странами Западной Европы и Северной Америки. Так, если в 2009 г. в России было около 669 тыс. НКО [48], то к 2015 г. их число сократилось до 226 тысяч [8]. В марте 2020 г., согласно данным Минюста, численность НКО составляла 213 тыс., из которых 198 тыс. находилось под государственным надзором. При этом большинство организаций существуют на бумаге – реальную деятельность осуществляют только 38% [48]. Подавляющее большинство организаций действует исключительно на уровне городов и максимум – отдельных регионов. НКО, работающие на федеральном уровне, составляют меньшинство, и с каждым годом барьеры для регистрации новых организаций только увеличиваются [8,12]. Помимо этого, доверие к НКО в России достаточно низкое. Ниже приведены данные Левада-Центра по доверию к

благотворительным организациям с 2017 г., когда начались измерения данного института [39]:

Таблица демонстрирует, что доверие к НКО находится на достаточно низком уровне. При этом динамика изменения доверия к НКО совпадает с рейтингами других институтов. То есть когда падает доверие к основным институтам государства, вместе с ними падение испытывают и НКО. То же самое происходит при росте. Это значит, что такие организации не способны заручиться широкой общественной поддержкой и аккумулировать гражданскую активность. То же самое происходит с профсоюзами, только уровень доверия у них еще ниже, но также наблюдается совпадение в динамике роста и падения с другими институтами. Уровень доверия к профсоюзам, согласно данным ВЦИОМ и Левада-Центра представлен ниже.

НКО и профсоюзы в России не стали центрами формирования гражданского общества, каковыми должны быть. О ключевой роли НКО и профсоюзов в создании горизонтальных связей и развития гражданского общества писали еще Г. Алмонд и С. Верба, а Р. Патнэм считал, что без них невозможна демократия. Специалисты по демократическому транзиту Дж. Шарп, М. Макфол и Л. Даймонд также отмечали, что сильные независимые НКО и профсоюзы играют крайне важную роль в процессе демократизации, поскольку создают сети доверия, способствующие формированию гражданского общества. На основании данных о патернализме российских граждан, а также слабости НКО и профсоюзов мы можем сделать вывод, что сейчас российское общество ближе к состоянию подданнической политической культуре, нежели партиципаторной, в категориях Алмонда и Вербы. Это создает значительные барьеры и препятствия для эффективной протестной мобилизации

населения, что позволяет политическому режиму сохранять устойчивость.

4. Высокая степень пассивности населения

Учитывая все вышесказанное, данный фактор является в какой-то степени прямым следствием первых двух. На фоне низкого уровня развития горизонтальных социальных связей и гражданской активности, а также высокого уровня доверия и одобрения личности Президента все очевиднее становится невозможность и скорее нежелание граждан пытаться что-либо изменить, поскольку это кажется бессмысленным и бесполезным. В итоге мы можем наблюдать высокую степень пассивности населения в вопросе политического участия. Во-первых, это доказывают приведенные выше данные по протестным ожиданиям и протестной готовности населения.

Во-вторых, мы можем посмотреть на данные по явке на выборах. Так, на выборах в Московскую городскую думу в 2014 г. явка оказалась в районе 21% [42]. Явка на выборах в Госдуму в 2016 г. составила около 48%, что означало падение на 12 процентных пунктов по сравнению с выборами 2011 г. Явка на федеральных парламентских выборах впервые за историю современной России составила менее 50% [49]. На выборах в Госдуму 2021 г. также ожидается достаточно низкая явка – примерно 45% [35]. На губернаторских выборах 2017 г. средняя явка составила менее 35,39% [43], в 2018 г. – 37,6% [30], а в 2019 г. – 41,2% [30]. Это также достаточно низкие показатели. Выборы в областные органы власти демонстрируют еще более низкую явку. Так, например, явка на выборах 2019 г. в городскую думу Москвы – наиболее активного города страны с точки зрения политики и протестов – составила чуть более 21% [42]. Однако антирекорды ставят выборы в местные органы власти, которые в странах Западной Европы и США как раз являются наиболее важными и популярными. Например, в Москве явка на муниципальные выборы в 2017 г. составила чуть более 12% [29].

Относительно высокая явка наблюдается только на выборах Президента, которые, по утверждению Андрея Колесникова и Бориса Макаренко, остались единственными что-то значащими из всех электоральных процедур в России [35]. Все остальные выборы были фактически превращены в ритуалы по утверждению легитимности действующей власти, на которых практически не допускаются независимые кандидаты, а явка предельно «сушится» до минимальных значений, чтобы исход выборов решил лояльный электорат. Это позволяет избегать лишней турбулентной ситуации. Все это вкупе с указанными ранее барьерами для политической мобилизации оппозиционного электората приведет, скорее всего, к достаточно низкой явке на выборах в Госдуму 2021 года, а также к низкой вероятности последующих протестов по типу тех, что начались в 2011 г., поскольку тогда явка была выше 60%, а фальсификации были очевидными для многих избирателей, которые считали, что у них «украли голос».

Помимо всего перечисленного, стоит выделить другой достаточно важный фактор. В докладе группы Сергея Белановского, опубликованном в июне 2020 г., [45] авторы в результате масштабного социологического исследования с применением онлайн-опросов, а также телефонных и онлайн-интервью отметили конец в информационном пространстве «путинского большинства». Группа Белановского подмечает, что наиболее частым фактором пассивности людей и отстраненности от политики, судя по интервью, являлся страх перед действиями правоохранительных органов на митинге и возможности уголовного преследования. Этот фактор очень важен в вопросе пассивности оппозиционной части населения, которое стремится выходить на протесты и активно участвовать в политической жизни.

5. Контроль и регулирование деятельности политических и общественных институтов, а также основных групп интересов со стороны власти

В отношении устройства и функционирования политического режима его можно назвать неокорпоративистским, что отмечают многие российские авторы, например, Григорий Голосов, Борис Макаренко и Андрей Колесников. Неокорпоративистский режим, если брать определение основного теоретика данного понятия Филиппа Шмиттера, представляет собой «систему представительства интересов, составные части которой организованы в несколько особых, неконкурентных, иерархически упорядоченных, функционально различных разрядов, официально признанных или разрешенных (а то и просто созданных) государством, наделяющим их монополией на представительство в своей области» [20]. В этой модели центральная власть обладает высокой степенью контроля над парламентскими партиями, общественными организациями и большей частью структур гражданского общества. По сути, она создает имитацию общественно-политических структур, которые практически не способны действовать автономно и основные решения должны согласовывать с властями. При этом именно действующая власть устанавливает правила игры в политической системе, меняя их при необходимости в целях самосохранения. Те же, кто не вписывается в заданную систему контроля и правила игры или стремится потеснить позиции власти, воспринимаются с подозрением и ограничиваются в свободе действий.

Стоит выделить теорию селектората власти Брюса Буэно де Мескита [21], которая заключается в том, что в различных политических режимах требуется определенное количество избирателей для победы в борьбе за власть и ее удержание. В случае

недемократических режимов этот селекторат достаточно узкий. Если говорить о российском режиме, то в качестве селектората можно выделить лояльное и административно зависимое от власти ядро избирателей, которое практически всегда голосует за сохранение статус-кво. Однако в данной теории также присутствует понятие «выигрывающая коалиция», обозначающее ту часть селектората, которая и обеспечивает политическую власть и исполнение решений. Чем уже выигрывающая коалиция, тем проще удержать власть, поскольку субъект имеет меньше издержек на поддержание существования коалиции, которая в случае распада может привести к потере власти.

В случае России выигрывающая коалиция достаточно широкая, поскольку российский режим является вполне развитым с точки зрения формальных институтов. В коалицию входит весь центральный государственный аппарат (прежде всего, органы исполнительной и законодательной власти), парламентские политические партии, федеральные и региональные финансово-экономические группы интересов, региональные органы власти, а также общественные организации, контролируемые государством. Поддержание ее существования строится на кооптации выделенных структур (в том числе, за счет коррупционных схем), а также путем перераспределения ресурсной и налоговой ренты. Это приходится делать, поскольку основные политические институты в России на данный момент являются «спящими», то есть обладающими широкими и ключевыми полномочиями, но не использующие их автономно от центральной власти. В ряде случаев эти структуры существуют, чтобы формально принимать решения, сформированные в неформальной властной группе. В случае невозможности удовлетворять интересы коалиции, она может распасться.

В рамках концепции неокорпоративизма и теории селектората

все формальные участники политического процесса фактически являются, по выражению Б. Макаренко, подданными власти [13]. В свою очередь В. Гельман признает, что основные политические решения принимаются в рамках «подрывных» институтов, то есть в группах неформальных политических акторов, которые действуют в обход формальных институтов и навязывают им свою волю, тем самым снижая качество институтов [3]. Г. Голосов указывает, что основные решения в России принимаются институциональными группами интересов, то есть теми, кто существует в рамках формальных институтов, но обходит их и договаривается неформально, не обращая внимания на официальные правила игры и считая их определенной условностью [6].

С начала 2000-х гг., когда делались первые шаги в построении «вертикали власти» и закладывались основы действующего политического режима, центральной власти удавалось, собрав выигрывающую коалицию, успешно удерживать ее от распада и не допускать излишнего расширения, достаточно эффективно не допуская независимых кандидатов и при этом способствуя повышению контроля над автономными некоммерческими организациями.

Выводы

По итогам работы мы пришли к следующим выводам:

1) Наблюдается парадокс между достаточно низким уровнем доверия и высокой степенью устойчивости политического режима в России. Уровень доверия не является фактором укрепления режима, для этого используются другие методы.

2) Первым фактором можно назвать низкий уровень протестного потенциала, прежде всего, за счет низкой степени протестной готовности, даже несмотря на высокие показатели протестных ожиданий.

3) Вторым фактором является высокий рейтинг Президента в противовес остальным институтам государства. Это позволяет сохранять лояльность других политических акторов, поскольку, имея низкий уровень доверия и одобрения, они в случае чего не сумеют заручиться широкой общественной поддержкой. Помимо этого, работает эффект того, что на фоне других государственных институтов Президент выглядит единственным актором с реальной властью, за счет чего получает высокий уровень доверия. Также высокая степень доверия наблюдается к самой личности Президента, что при условии его как фактически единственного властного актора заставляет большую часть населения видеть в ней единственно возможного кандидата. Несмотря на падение рейтингов Президента в 2018 г., они по сей день остаются достаточно высокими.

4) Третий фактор - достаточно низкий уровень доверия к НКО и профсоюзам, которые подвержены той же динамике, что и остальные институты власти. При том, что подавляющее большинство НКО и профсоюзов находятся под государственным контролем. Из-за высокой степени патерналистских настроений россиян, НКО и профсоюзы не могут стать центрами мобилизации гражданской и протестной активности.

5) Четвертым фактором выступает гражданская пассивность населения в политических вопросах. Следствием этого является низкая явка на выборах всех уровней за исключением президентских, которые фактически остались единственной важной и решающей электоральной процедурой для власти. В то время как все остальные выборы превратились в некое подобие ритуала, призванного подтверждать легитимность действующего режима.

6) В качестве пятого фактора мы можем выделить контроль и регулирование деятельности

политических и общественных институтов, а также основных групп интересов со стороны власти в условиях неокорпоративистского режима.

Список использованной литературы и источников

Русскоязычные издания

1. Алексеева А.Ю. Уверенность, обобщенное доверие и межличностное доверие: критерии различения // Социальная реальность. - 2008. - № 7. - С. 85-98.
2. Вахтина М.А. Доверие к государству как фактор повышения его эффективности // Журнал институциональных исследований. - Т. 3. - № 3. - 2011. - С. 57-65.
3. Гельман В.Я. «Подрывные» институты и неформальное управление в современной России // Полития. - № 2(57). - 2010. - С. 6-24.
4. Гельман В.Я. Расцвет и упадок электорального авторитаризма в России // Полития. - № 4(67). - 2012. - С. 65-88.
5. Гидденс Э. Последствия модернити // Новая постиндустриальная волна на Западе. М.: Academia, - 1999. - С. 101-122;
6. Голосов Г.В. Автократия или Одиночество власти. СПб.: Издательство Европейского университета, - 2019. - С. 3
7. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М.: Директ-Медиа, - 2011.
8. Зырянов С.Г., Лукин А.Н. Гражданское общество в современной России: основные сценарии становления и развития // Социум и власть, - № 3(59), - 2016. - С. 7 - 16
9. Киселев В.О. Доверие к политическим институтам в России: опыт социологического мониторинга // Мониторинг общественного мнения, - № 6 (124), - ноябрь-декабрь 2014. - С. 51 - 64
10. Кожина Т.П. Институциональное доверие: региональный аспект // Проблемы развития территорий, - № 3(65), - 2013. - С. 100 - 115

11. Литвинцева Е. А. Оценка общественного доверия к государственным гражданским служащим: социологический анализ // Среднерусский вестник общественных наук. – №2, – 2016..

12. Лукин В.Н. Политическое доверие в современном гражданском обществе: культурологические и институциональные модели // Credo New. – 2005. – №3.

13. Макаренко Б.И. Неокорпоративизм в современной России // Сравнительная политика, – № 2, – 2011. – С. 90 – 96

14. Мартыанов В.С. Мартыанов, В.С. Доверие в современной России: между поздним Модерном и новой сословностью // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. Екатеринбург, Том 17. Вып. 1, – 2017. – С. 61–82.

15. Меркулова Т.В. Экспериментальный и социологический методы измерения доверия // Научные труды ДонНТУ. Серия: экономическая. – 2014. – № 1. – С. 139–142.

16. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура // Социологические исследования. – 1992. – №2.

17. Селигмен А. Проблема доверия. М.: Идея-Пресс, – 2002. – С. 200

18. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М.: АСТ, – 2004. – С. 23.

19. Черкашин М.Д. Доверие населения к органам власти как фактор социальной консолидации общества // Коммуникология, том 4, – № 3, – 2019. – С. 74 – 83

20. Шмиттер Ф. Неокорпоратизм. Полис. – 1997. – № 2. – С. 15.

Литература на иностранных языках

21. Bueno de Mesquita V. The Logic of Political Survival. Massachusetts: MIT Press, 2003

22. Luhmann N. Trust and Power Chichester. United Kingdom: John Wiley and Sons, Inc, 1979.

23. Schedler A. Elections without Democracy: the Menu of Manipulations // Journal of Democracy, vol. 13, – № 2, – 2002
Электронные ресурсы

24. Corruption Perception Index. [Электронный ресурс] URL: <https://www.transparency.org/en/cpi/2020/index/nzl> (дата обращения: 10.06.2021)

25. Edelman Trust Barometer Archive. [Электронный ресурс] URL: <https://www.edelman.com/trust/archive> (дата обращения: 10.06.2021)

26. Fragile States Index Global Data. [Электронный ресурс] URL: <https://fragilestatesindex.org/global-data/> (дата обращения: 10.06.2021)

27. База данных ВЦИОМ по уровню одобрения институтов государства. [Электронный ресурс] URL: https://vk.com/away.php?utf=1&to=https%3A%2F%2Fwciom.ru%2Ffileadmin%2Fuser_upload%2Fratings%2Fstate_institutions.xlsx (дата обращения: 10.06.2021)

28. Время протянуть руки. В 2020 году граждане сократили финансовую независимость от государства. [Электронный ресурс] URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4683051> (дата обращения: 10.06.2021)

29. Выборы в России прошли при рекордно низкой явке. [Электронные ресурсы] URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2017/09/10/733150-vibori-v-rossii-rekordno-nizkoi-yavke> (дата обращения: 10.06.2021)

30. Губернаторы в один тур: кто победил в регионах. [Электронный ресурс] URL: https://www.gazeta.ru/politics/2019/09/09_a_12637603.shtml (дата обращения: 10.06.2021)

31. Жители России назвали лучшие качества Путина [Электронный ресурс] URL: <https://regnum.ru/news/2346955.html> (дата обращения: 10.06.2021)

32. Козырева П.М. Правовое сознание и доверие. [Электронный ресурс] URL: https://vk.com/doc142296372_602081709?hash=c172a8a9f5.. (дата обращения: 11.06.2021)

33. Колесников А. Общество после протестов. Почему Кремль выигрывает битву за обывателя. URL: <https://carnegie.ru/commentary/84052> (дата обращения: 10.06.2021)

34. Колесников А. Общество после протестов. Почему Кремль выигрывает битву за обывателя. [Электронный ресурс] URL: <https://carnegie.ru/commentary/84052> (дата обращения: 10.06.2021)

35. Колесников А., Макаренко Б. Дума-2021: четыре интриги выборов. [Электронный ресурс] URL: https://carnegie.ru/2021/05/31/ru-pub-84618#_edn19 (дата обращения: 10.06.2021)

36. Левада-Центр. Институциональное доверие. [Электронный ресурс] URL: https://www.levada.ru/wp-content/uploads/2016/10/Doverie_dinamika.pdf; <https://www.levada.ru/2018/10/04/institutsionalnoe-doverie-4/>; <https://www.levada.ru/2019/10/24/institutsionalnoe-doverie-5/>; <https://www.levada.ru/2020/09/21/doverie-institutam/> (дата обращения: 10.06.2021)

37. Левада-центр. Институциональное доверие. [Электронный ресурс] URL: https://www.levada.ru/wp-content/uploads/2016/10/Doverie_dinamika.pdf (дата обращения: 10.06.2021)

38. Левада-центр. Институциональное доверие. [Электронный ресурс] URL: <https://www.levada.ru/2016/10/13/institutsionalnoe-doverie-2/> (дата обращения: 10.06.2021)

39. Левада-Центр. Институциональное доверие. [Электронный ресурс] URL: <https://www.levada.ru/2018/10/04/institutsionalnoe-doverie-4/> ;

<https://www.levada.ru/2019/10/24/institutsionalnoe-doverie-5/> ; <https://www.levada.ru/2020/09/21/doverie-institutam/> (дата обращения: 10.06.2021)

40. Левада-центр. Протестные настроения. [Электронный ресурс] URL: <https://www.levada.ru/2021/06/08/protestnye-nastroeniya-2/> (дата обращения: 10.06.2021)

41. Морозов Н.А., Черницына Е.Н. Политическое доверие как феномен социальной интеракции. [Электронный ресурс] URL: https://vk.com/doc142296372_602080866?hash=7728cc9e53.. (дата обращения: 11.06.2021)

42. Мосгоризбирком огласил итоги выборов. [Электронный ресурс] URL: <https://ytro.news/articles/2014/09/15/1212805.shtml> (дата обращения: 10.06.2021)

43. Наглядно: как упала явка на выборах в России. [Электронный ресурс] URL: <https://www.bbc.com/russian/features-41202840> (дата обращения: 10.06.2021)

44. Николаев И.А. Структура доходов населения. [Электронный ресурс] URL: <https://www.youtube.com/watch?v=HLl3HODoDHc> (дата обращения: 10.06.2021)

45. Новый спектр политических настроений в российском обществе в 2020 г. [Электронные ресурсы] URL: <http://sbelan.ru/Research-Presentations/NOVYJ-SPEKTR-POLITICHESKIH-NASTROENIJ-V-ROSSIJSKOM-OBSHHESTVE-V-2020-g.pdf> (дата обращения: 10.06.2021)

46. Примеры работ: Козырева П.М., Смирнов А.И. Доверие и его роль в консолидации российского общества [Электронный ресурс] URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Doverie_rol.pdf (дата обращения: 10.06.2021)

47. Расширенная подборка данных ВЦИОМ к тематическому выпуску «Доверие». [Электронный ресурс] URL: https://profi.wciom.ru/fileadmin/file/nauka/podborka/rasshirennaya_podborka_dannyh_wciom_022021.pdf (дата обращения: 10.06.2021)

48. Статистический портрет некоммерческого сектора России. [Электронный ресурс] URL: <https://iq.hse.ru/news/177673454.html#:~:text=%D0%9F%D0%BE%20%D0%B4%D0%B0%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%BC%20%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D1%82%D0%B0%D1%82%D0%B0%2C%20%D0%BE%D0%B1%D1%89%D0%B0%D1%8F%20%D1%87%D0%B8%D1%81%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C,30%20%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%BB%D0%B8%D1%87%D0%BD%D1%8B%D1%85%20%D0%BE%D1%80%D0%B3%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B7%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%BD%D0%BE%2D%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B>

[2%D0%BE%D0%B2%D1%8B%D1%85%20%D1%84%D0%BE%D1%80%D0%BC%20%D0%9D%D0%9A%D0%9E](https://www.rbc.ru/politics/23/09/2016/57e458999a7947b5f68a8268) (дата обращения: 10.06.2021)

49. ЦИК обнародовал окончательные итоги выборов в Госдуму. [Электронный ресурс] URL: <https://www.rbc.ru/politics/23/09/2016/57e458999a7947b5f68a8268> (дата обращения: 10.06.2021)

50. Численность населения Российской Федерации на 1 января 2020 года. [Электронный ресурс] URL: https://gks.ru/bgd/regl/b20_111/Main.htm (дата обращения: 10.06.2021)

Приложение

**Уровень доверия деятельности институтов государственной власти по
данным Левада-Центра [9; 37;38].**

			Правительство России	Областные органы власти	Местные органы власти	Государственная дума	Совет Федерации РФ	Политические партии	Полиция
Вполне заслуживает доверия	2001	21	21	20	10	12	7	-	
	2004	12	19	18	9	8	5	-	
	2007	19	18	16	13	12	7	17 (2009)	
	2011	29	23	19	20	21	13	20	
	2014	46	35	27	37	39	18	21	
	2018	27	29	27	23	25	16	31	
	2020	38	36	33	29	30	22	32	
Не вполне заслуживает	2001	41	36	36	41	36	28	-	
	2004	41	34	36	44	35	27	-	
	2007	40	35	31	41	37	27	-	
	2012	41	44	45	48	41	48	44	
	2014	35	41	43	42	35	49	49	
	2018	37	35	34	40	34	41	38	
	2020	34	36	35	34	39	38	35	
Совсем не заслуживает	2001	22	27	31	35	21	36	-	
	2004	29	33	37	33	23	40	-	
	2007	26	33	41	33	22	36	-	
	2012	22	24	27	24	21	28	29	
	2014	10	15	20	14	10	23	22	
	2018	31	26	29	32	26	29	24	
	2020	23	21	25	27	23	26	21	

Год	2000	2002	2004	2006	2008	2010	2012	2014	2016	2018	2020
Значение индекса	24	27	28	25	21	21	28	27	29	28	30
Место	82	71	90	127	149	154	136	136	131	138	129

Таблица 3

Положение России в индексе восприятия коррупции (Corruption Perception Index), согласно данным Transparency International [24]

Таблица 2

Уровень одобрения деятельности институтов государственной власти по данным ВЦИОМ [27;47]

		Правительство России	Совет Федерации РФ	Государственная дума	Политические партии	Полиция
Одобрю	2006	41	31	25	-	-
	2008	55	32	34	-	-
	2012	47	26	28	33	36
	2014	62	46	49	38	46
	2016	55	51	52	46	54
	2018	38	42	37	34	59
	2020	28	41	38	32	52
Не одобряю	2006	41	39	53	-	-
	2008	25	28	39	-	-
	2012	37	33	45	42	48
	2014	24	21	26	29	35
	2016	35	19	33	30	32
	2018	44	23	39	36	26
	2020	20	33	43	37	31

Таблица 5

Положение России в Fragile States Index [26]

Год	2006	2008	2010	2012	2014	2016	2018	2020
Значение	87.1	79.7	79	77.1	76.5	81	77.2	72.6
Статус	Warning							

Таблица 4

Доверие к государству в России, согласно Edelman Trust Barometer [25]

Год	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Значение	38	39	26	23	27	54	52	43	44	34	33

Таблица 6

Отношение к благотворительным организациям в РФ

Год	2017	2018	2019	2020
Доля ответов «Вполне заслуживает доверия»	34	38	33	40

Таблица 7

Уровень доверия к профсоюзам (по данным Левада-Центра) [39]

Год	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Доля ответов «Вполне заслуживает доверия»	19	18	28	24	15	22	24	23	27

Таблица 8

Уровень доверия к профсоюзам (по данным ВЦИОМ) [47; 74]

Год	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Одобрение	33	34	35	38	38	40	39	34	32

THE LEVEL OF CONFIDENCE OF CITIZENS TO THE INSTITUTIONS OF STATE POWER AS A FACTOR OF THE STABILITY OF THE POLITICAL REGIME IN RUSSIA

Daria Kovalevskaia, student of Higher School of Economics – National Research University, educational program «Political science», 3 year. +7(925)050-66-86 Dashia1601@mail.ru

This work is devoted to the study of the level of citizens' trust in the institutions of state power since 2000 by accumulating data from four independent research centers. The collected data demonstrate that over the past twenty years, in most cases, the level of citizens' trust remained rather low, with the exception of the period 2014-2016, when the effect of the “Crimean euphoria” or “Crimean consensus” was in effect. At the same time, a large number of researchers, both classical and modern, believe that the trust of citizens is one of the main (if not the principal one) factors of the stability of political regimes. However, a different picture is observed in Russia. The political regime is quite stable, it managed to go through several large-scale socio-political crises without undergoing fundamental changes. If not civil trust, then what factors influence on stability of the Russian regime? We are also trying to answer this question in this article. The work is especially relevant against the background of the protest actions in January-February and April 2021 related to the arrest and sentence of Alexei Navalny, as well as on the eve of the elections to the State Duma and possible protests following their results.

Key words:

Political trust, political regime, political stability